

САЖКА БАЛХСВ:

СИЛНЕЕ ВЛАСТИ.

Когда ночь воровски накроет спящую землю толстым слоем сыпучего снега, в тихом, ясном, морозном утре подыметя солнышко, красотой величественной зеркает степь! Бескратней белой парчей, горя на солнце мириадами искрящихся снежинок, расстилается она перед вами, сливаясь вдаль с серо-голубым небом. Оцепенев, молчит холодный простор, сверкая немой красотой...

Любит в такое утро старый Бамбур-нойон оседлать рыжего Аранзала и выехать в степь один, без собак, без соколов и слуг. На боку - лук. Колчан, полный стрел, - за плечами. Увесистая плеть - в руке. Он любит сам выследить змею, вихревым бегом коня догнать его и метким ударом плети сшибить, или высоко поднявшуюся птицу меткой стрелой снять.

Белым паром в радуге рвется мороз вокруг морды коня, ледяными иглами метается в редкие усы Бамбур-нойона, но волчья шуба его греет, как утроба матери. Распахнув старую шубу, сквозь тонкий, розовый стеганный мех ощущая свежее дыхание степи. Вокруг, насколько хватает глаз, - ни души. Вдохнул в себя Бамбур-нойон и взглянул на небо: Высоко, высоко, в небесах, маленькая черная подочкой кружилась над ним степной коршун, - не достать! - Мысленно-о! - подумал старый нойон, слезая с коня. Снял он с пояса лук, наложил дальнometную стрелу и опустился на одно колено. Откинувшись назад, взял в одну руку тетиву, сплетенную из вычесок девичьих волос, старинный арбалетный лук. Новичкам коники прищуренных глаз сковали птицу на миг в остроту стрелы, окрасились желтовато белая зубы, и кончик и нехорошо... пушистая стрела.

Бамбур-нойон, старая, следил за птицей. "Раз, два, три, четыре" - успел елеенно сосчитать, и старик и затрепетала, вдруг, птица в вышине, перевернувшись раз и, как комета, пошла вниз. Огнем удовольствия закричались глаза старого охотника. Из птицы скоро оправилась, выравняла крылья и, как будто ничего не случилось, хотела снова забирать вверх, погружаясь в серо-голубой муть.

Путь зацепил, старик, нет уж былой меткости в глазах и крепости в руках - грустно подумал старик, снова садясь на коня.

Сухой, чистый, на целую четверть покрывший землю, легкими брызгами сыплется дождик. В радуге короткой играет на солнце. Любо по степной степи пустить коня впролом шагом и, мурлыча в нос песню о воле степной, ехать - куда глаза глядят.

Не проехав и пятидесяти локтей Бамбур-нойон, как увидел на снегу адуру белую крошечку, точно убогого, облепленного богемой о неба на украшение белоснежной, бархатной поверхности земли. Сочетание сверкающей белизны и свежей адуры крошечки так поразило его старика, что он, придержав коня, долго любовался. Наконец, он тихо промолвил:

...как это красиво! Если бы увидеть землицу с такой белой кожей, как этот снег и дождик, да и эта наша кровь.

*

Там и... зероокой устью Волги, притенялся большою... на тугой... в балх... на снегу обдала.

В белом шелковом халате, на разостланном перед кибиткой ковре, дежал, греясь на солнце, Бамбур-нойон, когда легкая и стройная, как степная сер-на, змеясь тонкой талией прошла мимо него Сякиндя, направляясь в свою кибитку. Глубоко рздохнул вслед ей старый нойон, сильнее задыхая трубой чер-ного дерева и, спустя некоторое время, встал и пошел за ней.

Звездой восточной сиял красотой, сверкая в зеркале полуоткрытой грудью и обнаженными руками, в легком зеленом цэгдике поверх белой сорочки, соби-ралаась она расчесывать волосы, распустив их двумя волнистыми, большими, длин-ными, блестящими черными пучками, когда неожиданно вошел в ее кибитку све-кор.

Поблуднева Сякиндя от такого нарушения правил приличия и последила накрыть голову расшитым золотом бархатным джатаком, говоря:

-Я причесывалась, отец; вам нельзя сюда!..

-Сякиндя-мне, деточка чудная, ты можешь не накрывать голову - эггорорил Бамбур, перебивая ее.

-Что говорите! Где такой закон, чтобы невестка позвизгала свекру непокры-тую голову и причесывалась при нем? - отвечала Сякиндя.

-Деточка, законы и обычаи создаются ханами и нойонами, они же могут их на-рушать и изменять....

-Ошибалось, говорите отец. Ханы и нойоны меняются, умирают, а законы и обычаи народа вечны; они сильнее всякой власти, обычаи народа умирают только с на-родом - весь, гонимый, заговорила молодца.

-Деточка, ты же прекрасная... тебе бы миром править... я потерял покой, я мучался. Попробуй меня, всю степь приведу к твоим ногам, все предстанет уо-трано - джатак с отцом, заговорил Бамбур-нойон, приближаясь к невестке.

-Не говорите так, отец! Грех мне резко вам отвечать, но... вы - первый хра-нитель наших традиций - взяли в голову безумные мысли. Не позорьте род. Возьмите в руки вачи сердца. Вы - первый муж в степи - поддадитесь палко-вым мадам, ох, перья воробушек, сердца! Помните, когда глава народа ро-няет обидчи дрянное, то и народ перестает их чтить. Откуда у вас такая гре-хонная мысль, откуда лезла ваш просторный ум!?

Раздался стук, с открытой, вдруг, дверь. С горящими, как у затравленного волка глазами, брызгала в кибитку Данзан. В кибитке настала тугая тишина.

Поднявшись вскорот, старческой походкой вышел из кибитки отец, с'елыва-ясь под чужим взглядом сына.

В степи раздался великий раздор.